

Мольер - Мнимый больной

После долгих подсчетов и проверок записей Арган понял наконец, отчего в последнее время так ухудшилось его самочувствие: как выяснилось, в этом месяце он принял восемь видов лекарств и сделал двенадцать промывательных впрыскиваний, тогда как в прошлом месяце было целых двенадцать видов лекарств и двадцать клистиров. Это обстоятельство он решил непременно поставить на вид пользовавшему его доктору Пургону. Так ведь и умереть недолго.

Домашние Аргана по-разному относились к его одержимости собственным здоровьем: вторая жена, Белина, во всем потакала докторам в убеждении, что их снадобья скорее всяких болезней сведут муженька в могилу; дочь, Анжелика, может быть, и не одобряла отцовской мании, но, как то предписывал ей дочерний долг и почтение к родителю, скромно помалкивала; зато служанка Туанета вконец распоясалась — поносила докторов и нахально отказывалась изучать содержимое хозяйского ночного горшка на предмет изошедшей под действием лекарств желчи.

Та же Туанета была единственной, кому Анжелика открылась в охватившем её чувстве к юноше Клеанту. С ним она виделась всего один раз — в театре, но и за это краткое свидание молодой человек успел очаровать девушку. Мало того, что Клеант был весьма хорош собой, он еще и оградил Анжелику, не будучи тогда знакомым с нею, от грубости непочтительного кавалера. Каково же было изумление Анжелики, когда отец заговорил с ней о женитьбе — с первых его слов она решила, что к ней посватался Клеант. Но Арган скоро разочаровал дочь: он имел в виду отнюдь не Клеанта, а гораздо более подходящего, с его точки зрения, жениха — племянника доктора Пургона и сына его шурина, доктора Диафуаруса, Тому Диафуаруса, который сам был без пяти минут доктор. В Диафуарусе-младшем как в зяте он видел кучу достоинств: во-первых, в семье будет свой врач, что избавит от расходов на докторов; во-вторых, Тома — единственный наследник и своего отца, и дяди Пургона.

Анжелика, хоть и была в ужасе, из скромности не произнесла ни слова, зато все, что следует, Арган выслушал от Туанеты. Но служанка только понапрасну сотрясала воздух — Арган твердо стоял на своем.

Неугоден брак Анжелики был и Белине, но на то у нее имелись свои соображения: она не желала делиться наследством Аргана с падчерицей и потому всеми силами старалась спровадить её в монастырь. Так что свою судьбу Анжелика полностью доверила Туанете, которая с готовностью согласилась помогать девушке. Первым делом ей предстояло известить Клеанта о том, что Анжелику сватают за другого. Посланцем она избрала давно и безнадежно влюбленного в нее старого ростовщика Полишинеля. Шествие опьяненного любовью Полишинеля по улице, приведшее к забавному инциденту с полицией, составило содержание первой интермедии с песнями и танцами.

Клеант не заставил себя ждать и скоро явился в дом Аргана, но не как

влюбленный юноша, желающий просить руки Анжелики, а в роли временного учителя пения — настоящий учитель Анжелики, друг Клеанта, будто бы вынужден был срочно уехать в деревню. Арган согласился на замену, но настоял, чтобы занятия проходили только в его присутствии.

Не успел, однако, начаться урок, как Аргану доложили о приходе Диафуаруса-отца и Диафуаруса-сына, Будущий зять произвел большое впечатление на хозяина дома многоученной приветственной речью. Затем, правда, он принял Анжелику за супругу Аргана и заговорил с нею как с будущей тещей, но, когда недоразумение прояснилось, Тома Диафуарус сделал ей предложение в выражениях, восхитивших благодарных слушателей — здесь была и статуя Мемнона с её гармоническими звуками, и гелиотропы, и алтарь прелестей... В подарок невесте Тома преподнес свой трактат против последователей вредной теории кровообращения, а в качестве первого совместного развлечения пригласил Анжелику на днях посетить вскрытие женского трупа.

Вполне удовлетворенный достоинствами жениха, Арган пожелал, чтобы и дочь его показала себя. Присутствие учителя пения пришлось тут как нельзя более кстати, и отец велел Анжелике спеть что-нибудь для развлечения общества. Клеант протянул ей ноты и сказал, что у него как раз есть набросок новой оперы — так, пустячная импровизация. Обращаясь как бы ко всем, а на самом деле только к возлюбленной, он в буколическом ключе — подменив себя пастушкой, а её пастушкой и поместив обоих в соответствующий антураж — пересказал краткую историю их с Анжеликой любви, якобы служившую сюжетом сочинения. Оканчивался этот рассказ появлением пастушка в доме пастушки, где он заставлял недостойного соперника, которому благоволил её отец; теперь или никогда, несмотря на присутствие отца, влюбленные должны были объясниться. Клеант и Анжелика запели и в трогательных импровизированных куплетах признались друг другу в любви и поклялись в верности до гроба.

Влюбленные пели дуэтом, пока Арган не почувствовал, что происходит что-то неприличное, хотя, что именно, он и не понял. Велев им остановиться, он сразу перешел к делу — предложил Анжелике подать руку Томе Диафуарусу и назвать его своим мужем, однако Анжелика, до того не смеявшая перечить отцу, отказалась наотрез. Почтенные Диафуарусы ни с чем удалились, попытавшись и при плохой игре сохранить хорошую профессиональную мину.

Арган и без того был вне себя, а тут еще Белина застала в комнате Анжелики Клеанта, который при виде её обратился в бегство. Так что, когда к нему явился его брат Беральд и завел разговор о том, что у него на примете есть хороший жених для дочери, Арган ни о чем таком и слышать не хотел. Но Беральд припас для брата лекарство от чрезмерной мрачности — представление труппы цыган, которое должно было подействовать уж не хуже Пургоновых клистиров.

Пляски цыган и их песни о любви, молодости, весне и радости жизни явили собой вторую интермедию, развлекающую зрителей в перерыве между действиями.

В беседе с Арганом Беральд пытался апеллировать к разуму брата, но безуспешно: тот был тверд в уверенности, что зятем его должен стать только врач, и никто кроме, а за кого хочет замуж Анжелика — дело десятое. Но неужели, недоумевал Беральд, Арган при своем железном здоровье всю жизнь собирается возиться с докторами и аптекарями? В отменной крепости здоровья Аргана сомнений, по мнению Беральда, быть не могло хотя бы потому, что все море принимаемых им снадобий до сих пор не уморило его.

Разговор постепенно перешел на тему медицины, как таковой, и самого её права на существование. Беральд утверждал, что все врачи — хотя они в большинстве своем люди хорошо образованные в области гуманитарных наук, владеющие латынью и греческим — либо шарлатаны, ловко опустошающие кошельки доверчивых больных, либо ремесленники, наивно верящие в заклинания шарлатанов, но тоже извлекающие из этого выгоду. Устройство человеческого организма столь тонко, сложно и полно тайн, свято охраняемых природой, что проникнуть в него невозможно. Только сама природа способна победить болезнь, при условии, конечно, что ей не помешают доктора.

Как ни бился Беральд, брат его насмерть стоял на своем. Последним известным Беральду средством одолеть слепую веру в докторов было как-нибудь сводить Аргана на одну из комедий Мольера, в которых так здорово достается представителям медицинской лженауки. Но Арган о Мольере слышать не хотел и предрекал ему, брошенному врачами на произвол судьбы, страшную кончину.

Сия высоконаучная полемика была прервана появлением аптекаря Флерана с клистиром, собственноручно и с любовью приготовленным доктором Пургонном по всем правилам науки. Несмотря на протесты Аргана, аптекарь был изгнан Беральдом прочь. уходя, он обещал пожаловаться самому Пургону и обещание свое сдержал — спустя немного времени после его ухода к Аргану ворвался оскорбленный до глубины души доктор Пургон. Многие он повидал в этой жизни, но чтобы так цинично отвергали его клистир... Пургон объявил, что не желает отныне иметь никаких дел с Арганом, который без его попечения, несомненно, через несколько дней придет в состояние полной неизлечимости, а еще через несколько — отдаст концы от брадипепсии, апепсии, диспепсии, лиентерии и т. д.

Стоило, однако, одному доктору навсегда распрощаться с Арганом, как у его порога объявился другой, правда подозрительно похожий на служанку Туанету. Он с ходу отрекомендовался непревзойденным странствующим лекарем, которого отнюдь не интересуют банальные случаи, — ему подавай хорошую водяночку, плевритик с воспалением легких, на худой конец чуму. Такой знаменитый больной, как Арган, просто не мог не привлечь его внимания. Новый доктор мигом признал Пургона шарлатаном, сделал прямо противоположные Пургоновым предписания и с тем удалился.

На этом медицинская тема была исчерпана, и между братьями возобновился разговор о замужестве Анжелики. За доктора или в монастырь — третьего не дано, настаивал Арган. Мысль об определении дочери в монастырь,

совершенно очевидно с недобрым умыслом, навязывала мужу Белина, но Арган отказывался верить в то, что у нее, самого близкого ему человека, может появиться какой-то недобрый умысел. Тогда Туанета предложила устроить небольшой розыгрыш, который должен был выявить истинное лицо Белины. Арган согласился и притворился мертвым.

Белина неприлично обрадовалась кончине мужа — теперь-то наконец она могла распоряжаться всеми его деньгами! Анжелика же, а вслед за ней и Клеант, увидав Аргана мертвым, искренне убивались и даже хотели отказаться от мысли о женитьбе. Воскреснув — к ужасу Белины и радости Анжелики с Клеантом, — Арган дал согласие на брак дочери... но с условием, что Клеант выучится на доктора.

Беральд, однако, высказал более здравую идею: почему бы на доктора не выучиться самому Аргану. А что до того, что в его возрасте знания навряд ли полезут в голову — это пустяки, никаких знаний и не требуется. Стоит надеть докторскую мантию и шапочку, как запросто начнешь рассуждать о болезнях, и притом — по-латыни.

По счастливой случайности поблизости оказались знакомые Беральду актеры, которые и исполнили последнюю интермедию — шутовскую, одобренную танцами и музыкой, церемонию посвящения в доктора.

Скачано с сайта [Краткое Содержание](http://kratkoe-soderjanie.ru).